

СЕКСТ ПРОПЕРЦИЙ

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ

Третья книга

Секст Проперций

Любовные элегии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050501

Любовные элегии Третья книга:

ISBN 978-5-91627-071-6

Аннотация

Секст Проперций (ок. 50 – ок. 15 до н. э.) – наряду с Тибуллом и Овидием один из трех выдающихся римских элегиков. Родился в умбрийском городке Ассизи. Большую часть жизни провел в Риме. Автор четырех книг элегий, связанных с именем Цинтии (или Кинфии), его возлюбленной.

Григорий Стариковский (р. 1971) – поэт, переводчик, эссеист. Родился и вырос в Москве. С 1992 года в США. Окончил Колумбийский университет (кафедра классической филологии). Переводил оды Пиндара («Пифийские оды» (Нью-Йорк: Стороны Света, 2009)), буколики Вергилия, а также стихи Джона Донна, Патрика Каванаха, Луиса Макниса, Луи Арагона, Дерека Уолкотта, Шеймуса Хини и др. Автор сборника стихов «На углу» (М., 2005). Живет в пригороде Нью-Йорка. Преподает латынь и мифологию.

Содержание

О поэте	4
3.1 (Callimachi Manes...)	14
3.2 (carminis interea...)	16
3.3 (visus eram...)	18
3.4 (arma deus Caesar...)	21
3.5 (pacis Amor deus...)	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Проперций Секст

Любовные элегии

Третья книга

О поэте

Поэт верит в свое бессмертие. *Жизнь стихов продолжается за крайней чертой.* Это – его слова. Поэт присматривается к собственной смерти, ощупывает ее, как отрез ткани. Он возводит себе надгробье, горит на погребальном костре, шепчет имя возлюбленной. Он знает, что она придет проведать его и украсит могильный камень венками из свежесорванных цветов. Он сам выбирает место для погребения – не на большаке, но подальше от людской толпы, где-нибудь под сенью дубравы или у песчаной дюны (как и полагается поэту, провозгласившему себя римским Каллимахом (4.1.64), этим александрийским ученым пересмешником, который сказал однажды: *скучно дорогой / той мне идти, где снует в разные стороны люд*¹). Для него нет существенной разницы между любовным ложем и погребальным одром (Commager 20)². Ему, пожалуй, хотелось бы, чтобы

¹ См. комментарии к элегии 3.1.

² См. Литературу.

подруга прыгнула в *последний костер*, чтобы обгорающими губами прижалась к его губам... Он устраивает пристрастную инвентаризацию собственной кончины, дабы потом, на выдохе, крикнуть смерти: *ты изжита!* Вслед за Горацием, за его *non omnis moriar (весь я не умру)*, наш поэт проговаривает в маршевом ритме пентаметра: *ingenio stat sine morte decus* (3.2.26, *блеск гения обречен на бессмертие*), а чуть позже, в своей последней книге, длит бессмертие в гекзаметрической строке *sunt aliquid Manes: letum non omnia finit* (4.7.1, *духи мертвых кое-что значат, не все кончается смертью*).

* * *

Нам неизвестна точная дата рождения Секста Проперция; скорее всего, поэт родился в начале 40-х годов до н. э. (Hubbard vii). Зато не вызывает сомнения место рождения поэта. Это умбрийский город Ассизи (*рожден в древней Умбрии у славных пенатов* – 4.121, ср. 4.125), тот самый Ассизи, в окрестностях которого святой Франциск благовествовал перед птицами. Род Проперциев, крупных землевладельцев, был одним из наиболее влиятельных в округе. В одном только Ассизи сохранилось 16 надписей с именами Проперциев (Cairns 10). Ряд родственников поэта перекочевали в Рим и дослужились до *степеней известных*: один из Проперциев, Гай Проперций Постум (вероятный адресат элегии 3.12), высоко поднялся по служебной лестнице, ис-

полнял должности претора и проконсула (Cairns 16). Ранняя смерть отца совпала с Перузинской войной (41 до н. э.), в ходе которой умбрийская и этрусская³ знать выступила против Октавиана (будущего императора Августа) на стороне Луция Антония, брата триумвира Марка Антония (*Cambridge Ancient History* 28–29). После победы Октавиана часть имения Проперциев была отторгнута в пользу ветеранов; некоторые родичи поэта (мы не знаем, каково их число) погибли под мечами легионеров (1.22.6–8). Вскоре после отторжения земель семья поэта поселилась в Риме. Проперций получил прекрасное образование, изучал риторику и юриспруденцию (Cairns 26). Первые три книги элегий вышли в 20-х годах I столетия до н. э. (становление принципата Октавиана Августа), последняя – в 16-м году. После выхода первой книги, *Едино книжия*, Проперцию начинает покровительствовать Мecenат, один из ближайших сподвижников Августа. Среди поэтов, пользовавшихся поддержкой Мecenата, – Публий Вергилий Марон (*Буколики*, *Георгики*, *Энеида*) и Квинт Гораций Флакк (*Сатиры*, *Эподы*, *Оды*, *Послания*).

Проперций – автор любовных элегий, поводом для которых послужила связь поэта с Цинтией (или Кинфией). По словам Апулея, подлинное имя Цинтии – Гостия (*Апология* 10), однако мы не можем с точностью сказать, кто скрывается под этим именем: ветренная матрона или куртизанка выше-

³ В древности Перузия (нынешняя Перуджа) считалась частью Этрурии.

го пошиба. На первый взгляд, элегии Проперция легко привести к общему знаменателю, обобщить происходящее: поэт безоглядно влюблен в Цинтию, он – послушный раб своей подруги, Цинтия же – требовательная госпожа. Проперций страдает и одновременно наслаждается страданием. Его возлюбленная известна своим непостоянством, и это лишь усугубляет любовные муки. Поэт с восхищением пересказывает, как Цинтия пыталась выцарапать ему глаза, как запустила в него винным кубком (3.8.4, 6). Для него ожерелье из кровоподтеков на истерзанной шее – все равно что для других римлян роскошный банкет или колесничные бега.

Вышеприведенные обобщения, при всей своей видимой неоспоримости, лишь отчасти отражают внутреннюю жизнь элегий. Для Проперция любые жанровые императивы – в лучшем случае условны. Никаких постоянных законов, никаких долгодействующих правил наш поэт не признаёт. По Проперцию, *законы жанра* существуют лишь для того, чтобы их нарушать.

Проперций часто иронизирует над своей влюбленностью. По мягкости, по деликатности иронии мы легко отличим Проперция от Тибулла и Овидия, его собратьев по элегическому цеху. Наш поэт с улыбкой смотрит на себя со стороны, как будто он – персонаж из комедии Теренция. Его ирония легка и вездесуща. Именно эта способность улыбаться самому себе позволяет поэту дистанцироваться от подруги и говорить о любви *несерьезно*. Более того, на наших глазах Про-

перций потворствует этому превращению: Цинтия-подруга становится Цинтией-книгой, разговор о любви переходит в разговор о поэзии вообще. Когда в конце Третьей книги поэт, обращаясь к Цинтии, пишет *пять прослужил тебе лет*, остается только догадываться, о какой *службе* идет речь. о любовном рабстве (*servitium amoris*), о сочинении стихов или о том и другом? Кому же, собственно, служит Проперций: Цинтии или своей музе?

Многие элегии выстроены по законам античной риторики: стихотворение начинается с посыла (утверждения), который (которое) подкрепляется цепочкой доказательств (примеров). Поэт, действительно, риторичен, подчас даже излишне риторичен, но его риторические приемы зачастую автопародийны. Давая волю иронии, Проперций доводит мысль до абсурда, или же цепь логических построений неожиданно обрывается – и стихотворение резко меняет сюжетный вектор. Так, например, обстоит дело в элегии 3.11. Проперций начинает словами *женищина помыкает мной как ей заблагорассудится*. За почином следует перечень античных героев, «порабощенных» женщинами, но вдруг этот реестр прерывается: Проперций ставит читателю подножку, и тот валится на землю, успевая заметить, как поэт вводит в стихотворение новый сюжет – противостояние Александрии (Клеопатры) и Рима (Октавиана). Вот еще один пример риторических сатурналий: в элегии 3.14 Проперций убеждает римлян перенять законы спартанского воспитания деву-

шек – ради того чтобы влюбленным соотечественникам было выгодней добиваться благосклонности подруг.

Часто говорят о неконформизме Проперция. Да, поэт не желает поступать на государственную службу и заявляет об этом во всеуслышанье. Согласно Д. Бонаменте, *он отвергает ценности, значимые для римского общества: богатство, военную славу, даже семейную жизнь как таковую* (Бонаменте 9). В стихотворении, где Октавиан Август назван богом (что это – запредельная лесть или все та же вездесущая ирония?), во время предполагаемого триумфа над парфянами Проперций собирается стоять в стороне, обнимая подругу (3.4.15), а следующее стихотворение (3.5), по мнению М. Хаббард, начинается, в пику военным приготовлениям Августа, словами *Амур – бог мира; мы, любовники, поклоняемся миру* (Hubbard 81). Проперций иногда нахваливает Августа, но и в похвалах прячет шпильки; в 25 году до н. э. (год выхода Второй книги элегий) Август вряд ли симпатизировал поэту, напоминавшему о кровопролитных гражданских войнах, в которых принимал участие будущий император: о Мутине и Филиппах или о Перузинской войне (2.1.27–29). Чуть позже, говоря о победе при Акции и о спасении Рима Октавианом (3.11.49–50), поэт не удерживается от восклицания: *город, владеющий всем миром, испугался угроз Марса в юбке* (3.11.57–58). Безусловно и то, что, входя в круг Мecenата, Проперций последовательно отстаивает право на собственный голос, право поэта писать не под диктовку но-

вого режима.

Тем не менее, говоря о *нонконформизме* Проперция, важно помнить о связи поэта с его временем. 20-е годы I века до н. э. – первое *мирное* десятилетие в Риме, который в течение целого столетия раздирали гражданские войны. Октавиан Август (Августом его стали величать с 27 года до н. э.) отказывается от территориальной экспансии: он ни в коем случае не собирается расширять границы империи до парфянских Бактр (ср. 3.1.16). Несмотря на слухи о близящейся войне с парфянами и на действительно имевшие место угрозы со стороны Рима, соглашение с Парфией (21 до н. э.) было достигнуто дипломатическим, а не военным путем (*Cambridge Ancient History* 263). Да, это был *pax Romana*, римский мир (или, лучше, мир по-римски), но это был *мир* после целой чреды гражданских усобиц. Они – и поэт и император – предпочитают мир войне, хотя в случае Проперция *война* с Цинтией не затихает до конца Третьей книги и захватывает часть Четвертой.

Возвратимся к утверждению Бонаменте. Если честолюбивый римлянин все же мог добиться славы в приграничных войнах, то *богатство*, которое итальянский ученый приводит в числе ценностей, значимых для римского общества, *ценностью* не было. Под нападками Проперция на чересчур роскошный образ жизни иных римлян подписались бы не только Цинциннат и оба Катона, но и сам Август, «щеголявший» своей неприязательностью. Как известно, импера-

тор носил одежду домашнего покроя и любил простую пищу: *грубый хлеб, мелкую рыбешку, влажный сыр, отжатый вручную, и зеленые фиги второго сбора* (Светоний 73–76, пер. М. Гаспарова).

Бонаменте пишет о неприятии Проперцием семейной жизни. Начиная с Катуллы, родоначальника римской любовной элегии, элегика были вольны воспевать чьих угодно жен, кроме собственных. Но даже в рамках устоявшейся элегической традиции Проперцию удастся играть не по правилам. В Третьей книге поэт говорит о семейных узах с редкой для него серьезностью: в элегии 3.22 он советует своему другу Туллу вернуться в Италию из Малой Азии и жениться на римлянке.

Фон Альбрехт называет Проперция александрийцем среди римлян и римлянином среди александрийцев (фон Альбрехт 859). Подобно своим эллинистическим предтечам, Проперций насыщает стихи образами и сюжетами из античной мифологии. Зачастую он лишь намекает на тот или иной миф, предоставляя читателю самому догадаться, о чем или о ком идет речь. В элегии 3.19 он пишет о Критянке, которая *перенесла бычью гордость*. Слова *Критянка* и *бык* дают ключ к ответу. Проперций имеет в виду Пасифаю, критскую царицу, влюбившуюся в быка и родившую от него Минотавра. Или, в той же элегии, *Салмонеева дочь, воспылавшая страстью к речному богу Энипею*, – это, конечно же, Тиро. Однако не будем преувеличивать сложность Пропер-

ция. Даже для современного читателя, лишь отчасти знакомого с героинями античных мифов, имена Медеи, Клитемнестры и Сциллы не требуют или почти не требуют дополнительных пояснений. Улисс, Геркулес, Беллерофонт и многие другие герои знакомы нам с детства. Что уж говорить о современниках Проперция, которые впитывали культуру не в последнюю очередь через мифологию?

Мифологический инвентарь Проперция соотносится с сюжетами римских фресок, античной скульптуры и мозаики. Например, описание расправы с Диркой в 3.15 «повторяет» сюжет помпейских фресок. Аполлон, опирающийся на позолоченную лиру (3.3.14), похож на статую Аполлона, хранящуюся в Неапольском музее, а пьющие воду голубицы Венеры (3.3.31–32) знакомы нам по римским мозаикам (Hubbard 164–166). Здесь мы имеем дело с феноменом двойного узнавания: читатель узнаёт словесное «изображение» и одновременно *вспоминает* фреску, статую или мозаику, на которой запечатлен этот образ.

Элегиям Проперция свойственны смысловая изломанность, синтаксическая вывернутость, довольно-таки резкие, зачастую рискованные переходы от одного сюжета к другому. *Трудным* Проперций считается отчасти из-за обилия ошибок, допущенных переписчиками элегий в Средние века (Comtager 3). Несмотря на плачевное состояние манускриптов Проперция, все же можно утверждать, что частые сюжетные выражения и эксперименты с синтаксисом *имели ме-*

сто и невоспринимались как новшество среди образованной римской публики, в большинстве своем владевшей греческим и знакомой с лирикой Пиндара, трагедиями Эсхила и поэзией старшего современника Проперция – Квинта Горация Флакка. Предоставим судить о Проперции самим римлянам. Овидий называет его *нежным* (*Искусство любви* 3.333), Марциал – *плавным* (Марциал 14.189), а современник Марциала Плиний Младший пишет о стихах ассизийца Пассенна Павла, который *вел свой род от Проперция: Если ты возьмешь в руки его элегию, ты прочтешь произведение отделанное, нежное, приятное, действительно написанное в доме Проперция* (Плиний Младший 9.22.2, пер. А. Доватура)⁴.

Григорий Стариковский

⁴ Переводчик благодарит Бориса Ривкина за поддержку и ценные замечания.

3.1 (*Callimachi Manes...*)

Тень Каллимаха, святыни Филита, косского барда,
прочь не гоните, в свою рощу позвольте войти.
Жрец над прозрачным теченьем, я исполняю впервые
греческих таинств обряд на италийский манер.
Стих свой искусный, скажите, в пещере какой изощрили?
Как вы вступили туда? Где отыскиали родник?
Прочь уходи, кто желает напялить доспехи на Феба.
Нежною пемзой свои отполирую стихи,
чтобы меня возносила Молва – и триумф возглавляла
на венценосных конях муза, рожденная мной.
На колеснице моей теснятся малютки амурь,
следом поэты толпой за колесницей идут.
Что же вы мчитесь, пытаясь меня обогнать понапрасну?
Не доберетесь, скача к музам по людным путям.
Рим, пусть к деяньям твоим другие славу прибавят,
нашей державы предел пусть расширяют до Бактр.
Труд мой с вершины, где Сестры танцуют, сошел на
страницу,
в книгу – неторным путем (в мире прочтите его).
Нежным венком, пегасиды, прошу, одарите поэта,
ибо колючий венок – не для моей головы.
Если при жизни меня оклеветает завистников стая,
слава двойным барышом после поэту воздаст.
Все, что свершалось при жизни, кажется бóльшим

посмертно,
умер – и люди не раз имя помянут твое.
Кто бы о Трое узнал, разоренной конем деревянным,
или как обе реки смял фессалийский герой:
сына Юпитера, бурный Скамандр, и идейский Симоис,
или как Гектора труп трижды поля обагрил.
Пулидамант и Гелен, Деифоб и Парис (будь он трижды
жалок в сраженьях) – теперь кто бы о них вспоминал?
Кто бы теперь рассказал о тебе, Илион, и поведал,
как оба раза Геракл стены твои покорил.
Славный Гомер, говоря о несчастьях троянских,
предвидел,
что разрастется его труд по прошествии лет.
Так же восхвалят меня потомки грядущие Рима,
верю – стихи не умрут даже за смертной чертой.
Камень могильный, над прахом моим, не забудут.
Ликийский,
клятвам внимающий бог будет потворствовать мне.

3.2 (*carminis interea...*)

Вот и настала пора возвращаться в круг наших песен, звуком привычным слáдить девы растроганный слух. Лирой певучей легко останавливал буйство потоков, диких зверей умирал лирой фракиец Орфей. Камни с вершин киферонских, покорные струнам искусным, сами собой вознеслись крепкой фиванской стеной, даже под кручами Этны сдержала коней Галатея и повернула на звук песни твоей, Полифем. Многие девушки любят витийства мои – по заслугам, ибо со мной Аполлон, Вакх на моей стороне! Нет у меня тайнарских колонн, позолоченных балок, и не ложит потолки роскошь – слоновая кость. Мне далеко до феаков: бескрайних садов не имею, грот, орошенный водой Марция, не для меня. С музами дружбу вожу, читателю песней любезен, Каллиопея со мной кружится дни напролет. Счастлива дева, воспетая в книге, где каждая песня — памятник, созданный в честь, дева, твоей красоты. Стройная мощь пирамид – до звезды достающая роскошь, и повторенье небес – Зевса Элейского храм, даже немислимый блеск усыпальницы пышной Мавсола: все-таки обречены на неизбежную смерть.

Пламя пожрет, или дождь изничтожит былое величье,
или под натиском лет немощно рухнут они.
Не умирает добытая гением слава и длится
песенным блеском – ее со свету смерть не сживет.

3.3 (*visus eram...*)

Снилось, как будто лежал я в сладкой тени Геликона,
там, где источник исторг Беллерофонтов Пегас.
Альба, деянья твоих повелителей мог я, казалось,
славить на лире – такой был бы мне труд по плечу.
Снилось: припал тихим ртом к источнику шумному.
Энний,
предок наш, жаждой томясь, некогда пил из него.
Пел Куриациев он и копыя Горациев, братьев,
в море Регуллов триумф, царский трофей на борту,
Фабия пел, промедленья победы, злосчастье при Каннах,
милость богов как ответ на благочестье молитв,
славил он ларов, с чьей помощью выдворил Рим
Ганнибала,
славил Юпитера, чьи стены спас гомон гусей.
Но наблюдавший за мной близ пещеры, из рощи
кастальской,
Феб, опершись на загиб лиры златой, не смолчал:
«Что тебе проку, безумец, в этой реке? Кто понудил
браться за выспренный труд – песнь о героях слагать?
Не по тебе это дело. Здесь славы не сыщешь, Проперций.
Легкий потребен возок, чтоб разъезжать по лугам.
Взяв твою книгу, пусть дева читает ее на скамейке,
не отрываясь, пока встречи с любовником ждет.
Так почему же в стихах за черту отведенную тянет,

тяжестью песен не смей перегружать челночок.
Правым веслом – берегов, другим же – касаясь прибоя
(в море лютует сильней буря), останешься цел».

Плектром из кости слоновой туда указал говоривший,
где по замшелой земле новая тропка вилась.
Своды зеленой пещеры покрыты обточенным камнем,
бубны по стенам (стена – поляя пемза) висят,
утварь священная муз и глиняный слепок Силена,
рядом повисла твоя дудка тегейская, Пан.

Поодаль – стая гóлубок владычицы нашей Венеры,
влагу Горгоновых струй алые клювики пьют.
Каждой, по жребию, музе достались свои полномочья,
нежные девы из рук не выпускают даров.

Плющ собирает для тирса одна, другая связует
пенье с музыкой, а та венчик сплетает из роз.

Тут же одна из Сестер прикоснулась ко мне и сказала
(я посмотрел и узнал Каллиопеи лицо):
«Будешь доволен, когда лебедей запряжешь и
помчишься,
конь боевой не заржет, в схватку не ввергнет тебя.
Сиплый рожок не тебе прохрипит о военной победе,
кровью сражений не ты рощу зальешь аонид.
Ты не расскажешь о битвах, в каких там полях под
значками
Мария бились, когда Рим смял тевтонскую мощь.
Или как варварский Рейн с кровью свевов смешался, а
трупы —
горы изрубленных тел – плыли в угрюмой реке.
Нет, ты любовников славь и венки у чужого порога,

бегство ночное воспой, пьяных сражений значки,
чтобы узнал от тебя, как на улицу вызвать затворниц,
тот, кто оставить спешит строгих мужей в дураках». Так говорила она – и, воды зачерпнув родниковой, влагу Филитовых струй мне на уста пролила.

3.4 (*arma deus Caesar...*)

В Индию двинуть войска задумал божественный Цезарь,
флотом желает рассечь влагу жемчужных морей.

Вдоволь поживы, квириты! Триумф над окраиной мира!

Скоро под нашей пятой Тигр потечет и Евфрат.

Новые земли, подвластные фасциям... Римский Юпитер,
славный парфянский трофей землю украсит твою!

Парус, знакомый с войною, расправьте, пусть выполняют
всадники долг – боевых к битвам выводят коней.

Должно – да сбудется песнь! – искупить поражение
Крассов.

Станешь достоин теперь будущей славы, солдат.

Марс, наш отец, и владычица грозного пламени, Веста,
дайте, молю вас, дожить мне до заветного дня:

Цезаря видеть, обилье добычи в его колеснице,
медленный ход лошадей мимо ликующих толп.

Вот бы смотреть на триумф в стороне, в объятьях
подруги,

список читать городов, взятых на этой войне,
стрелы увидеть, которые мечет конник парфянский,
горы доспехов, на них пленных вождей лицезреть.

Будь же, Венера, защитой потомкам твоим! Энеидов
род, тот, что видишь теперь перед собой, сохрани!

Долю добычи – другой заберет. На Священной дороге
хлопать идущим войскам будет достаточно мне.

3.5 (*pacis Amor deus...*)

Бог-миролюбец – Амур, посему будь смиренен,
влюбленный,

против моей госпожи я прекращаю войну!

Сердце – оно не томится жаждой наживы. Из кубка
обыкновенного пью, нет самоцветов на нем.

Не для меня обширная тучность полей кампанийских,
я не стяжаю твоих бронз, разоренный Коринф.

Первая глина, несчастлива ты под рукой Прометея.

Для человека творец сердце слепил кое-как.

При построении тела не вспомнил о мысли, а должно
было направить сперва мысль по прямому пути.

Вот и швыряют нас по морю шквальные ветры, всё ищем,
с кем бы сразиться, одну распря связуя с другой.

Не увезешь из богатств ничего к берегам Ахеронта,
голым, безумец, тебя примет загробный паром.

Тень победителя не отличишь от поверженной тени.

Марий, с Югуртой сидишь рядом, плененным тобой.

Ир из Дулихии с Крёзом Лидийским в правах уравнился.

Смерть хороша, если жизнь кончена в правильный срок.

В юности ранней по склонам бродить Геликона –
отрадно,

за руки музыки берут, тянут меня в хоровод.

Мне возлияния нравятся, разум в оковах Лиэя,

кудри украсит венок из распустившихся роз.

Если под тяжестью лет Венера сла́дить перестанет
и окропит седина в старости – прежнюю смоль,
я изучу основательно тайны природы, узнаю,
кто этот бог, чей закон всем управляет хитро,
где исчезает луна, где восходит, откуда, раз в месяц
соединяя рожки, полный является диск,
и отчего ветер властен над морем, кого там поймает
Эвра порыв, почему тучи обильны водой,
или когда в одночасье устои падут мироздания,
струи дождя отчего ясная радуга пьет,
и почему сводит дрожью хребты Перребийского Пинда,
солнечный диск почему черные кони влекут,
и отчего Волопас неохотно быков подгоняет,
и по причине какой пляшут Плеяды в огне,
и почему океан из пределов своих не выходит,
и почему состоит год из частей четырех,
вправду ли есть суд богов под землей и страданья
виновных,
бьется ли клоч черных змей у Тисифоны на лбу,
вправду ли есть Алкмеоновы фурии, голод Финея,
жуткий утес, колесо, жажда в потоке воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.